

А. И. ПЕРШИЦ

ФАМИЛИЯ — ЛЪЭПКЪ У КАБАРДИНЦЕВ В XIX ВЕКЕ

В 1948 г., собирая этнографические материалы в Лескенском и Нагорном районах Кабардинской АССР, мы попытались выявить сохранявшиеся здесь в прошлом пережитки патриархально-родовой организации и определить их значение в общественно-экономической жизни кабардинцев. Этому вопросу, в кавказоведческой литературе почти не затронутому, и посвящено настоящее небольшое сообщение.

Отдельные попытки найти у кабардинцев следы прежнего родового деления предпринимались уже авторами XIX в.¹ По Ф. И. Леонтовичу, Большая Кабарда состояла из 8 родов: 4 княжеских (Атажукины, Мисостовы, Бекмурзины и Кайтукины) и 4 дворянских-тлекотлешеских (Анзоровы, Куденетовы, Коголковы и Тамбиевы). «Роды,— пишет Леонтович,— носили название тех княжеских или дворянских фамилий, родоначальники которых считались вместе с тем родоначальниками родов, на какие делился весь народ»². Ту же мысль проводит Леонтович в другом месте, считая, что «князья — родовые главы»³. Если отвлечься от антинаучного, применительно к феодальной Кабарде, отождествления князей с родовыми главами, то указание Леонтовича на бывшее деление кабардинцев на 8 родов представляется нам весьма основательным, так как число 8 указывает на дуальную экзогамию, а князья и дворяне — тлекотлеша, не будучи, конечно, родовыми главами, некогда из них выросли.

Других, более определенных данных о родовом делении кабардинцев нет ни в литературе, ни в воспоминаниях старейших из наших информаторов. Можно думать поэтому, что наиболее широкой структурной ячейкой распавшегося кабардинского рода в XIX в. являлся *лъэпкъ* — круг отцовских родственников-однофамильцев (*унакъуэц*), или, как он чаще всего именуется в кавказоведческой литературе, *фамилия*. *Лъэпкъ* играл весьма заметную роль в жизни дореволюционной Кабарды, члены его были объединены рядом хозяйственных, общественных и идеологических связей, характеризующих нас на основе полевой информации и материалов Центрального государственного архива Кабардинской АССР.

Экономическое единство родственников-однофамильцев, не имевших в условиях соседской общины общей земельной собственности, проявлялось главным образом во взаимопомощи. По рассказам стариков, последняя имела место при пахоте и уборке урожая, когда на помощь малосильным семействам всегда приходили родственники. При постройке нового дома родственники-мужчины помогали подвозить материал и строить, женщины участвовали в обмашке. При женитьбе одного из родственников члены *лъэпкъ* несли часть расходов по свадьбе, помогая деньгами и продуктами. Калым, согласно *адыгэ хабзэ*, кабардинскому адату, должна была собирать семья жениха, но иногда оказывалась помощь в этом случае. 82-летний житель сел. Урух Х. Шогенов рассказывал нам, что когда женили двоюродного брата, отец послал его продать лошадь для уплаты части калыма. По рассказу жителя сел. Ст. Урух 80-летнего Х. Бижоева, в 1910 г. его бедный односельчанин Т. Паритов украл девушку. Родители ее на брак не соглашались. Тогда двоюродный брат Паритова внес большую часть калыма, другой брат, троюродный, нес расходы по свадьбе, остальные *унакъуэц* помогли молодым в обзаведении хозяйством. Обычным было и участие родственников в составлении приданого девушки. Обязанностью родственников являлось воспитание сироты. Широко практиковалась передача одним родственником другому остающегося на долгий срок гостя. В случае нужды можно было, не спрашивая, взять на время из табуна коня своего *унакъуэц*. При получении композиции за убийство одного из членов *лъэпкъ* часть денег делалась между всеми родственниками; при уплате композиции часть денег собиралась всеми родственниками убив-

¹ Ф. И. Леонтович, Адагы кавказских горцев, вып. I, Одесса, 1883; С. Броневский, Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе, ч. 2, М., 1823; М. М. Ковалевский, Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа, «Русская мысль», 1883, 12.

² Ф. И. Леонтович, Указ. раб., стр. 420—421.

³ Там же, стр. 422.

шего, вручавшими ее отцу или старшему брату последнего⁴. Аналогичным образом еще в середине XIX в. собирались внутри *лэпкэ* деньги для выкупа попавшего в плен родственника⁵.

Важно отметить, что взаимопомощь нередко осуществлялась не только родственниками-однофамильцами, но и соседями и даже односельчанами — членами той же поземельной общины. Так, соседи принимали участие в постройке дома, в свадебных расходах; композиции в случае надобности собиралась всеми односельчанами. Считалось, однако, что на родственниках-однофамильцах лежит безусловная обязанность взаимопомощи, отказ от которой явился бы позорным, аморальным поступком.

В области организационного единства, общественных связей членов одного *лэпкэ* следует прежде всего отметить наличие старшего — *нахыжэ*. С ним полагалось советоваться во всех существенных случаях жизни семейств данного *лэпкэ*. Советовались при разделе большесемейных общин, при раскладке композиции, при заключении брачных союзов. Нередко даже его спрашивали, кого пригласить на семейное празднество, где кого посадить, какой подарок поднести невесте. Выступая третейским судьей, *нахыжэ* примирял ссорящихся. За непослушание ему, по словам стариков, родственники могли побить или даже изгнать провинившегося из селения. С женой *нахыжэ* женщины *лэпкэ* советовались так же, как мужчины с ним самим. *Нахыжэ* обязательно приглашали на все празднества, происходившие в семьях данного *лэпкэ*. Приехать за ним и отвезти его назад должен был лично глава семейства, где происходило празднество. Когда в одном из семейств резали скот, *нахыжэ* обязательно приносили в подарок вареную баранью голову, переднюю лопатку, кусок сырой говядины и т. п.

Характерной чертой общественного единства членов одного *лэпкэ* была фамильная экзогамия — пережиток древней родовой экзогамии. Никто не имел права жениться на своей *унакхуэц*, хотя бы даже степень родства невозможно было проследить. По словам стариков, они не помнят случая нарушения фамильной экзогамии, но знают, что по *адыгэ хабзэ* за это полагалось изгнание или даже смерть.

Столь же яркой чертой общественного единства родственников-однофамильцев была общефамильная обязанность кровной мести. Броневский писал, что у кабардинцев «между простым народом за убийство откупаются деньгами, вещами, скотом, смотря по условию, но князья и уздени редко соглашаются на денежную пеню и требуют кровь за кровь. В таких случаях кровомщение переходит от отца к сыну и продолжается беспредельно, пока не приищут средства к примирению враждующих сторон»⁶. По словам наших информаторов, и в крестьянской среде кровомщение заменялось выкупом далеко не всегда, хотя достаточно часто. Обязанность мщения или участия в выплате композиции лежала на всех родственниках-однофамильцах. Характерно, что помогать при сборе выкупа должны были и материнские родственники — *анэш*, но «*анэш* помогали только деньгами, *унакхуэц* — кровью». *Анэш* не местили и сами места не подлежали. Характерно и то, что внутри *лэпкэ* не существовало ни кровомщения, ни композиции, за убийство же родственника со стороны матери платились неопределенный выкуп.

Достаточно ясно выражено было и идеологическое единство родственников-однофамильцев. Наиболее характерным моментом являлась здесь единая общефамильная генеалогия, воспоминание об общем родоначальнике группы, обычно ее эпониме. Так, все Бижовы (Ст. Урух) считали своим родоначальником некоего Бижо или Бичо, все Бетровы (там же) — некоего Бетроза и т. д. Лишь в редких случаях память о таких родоначальниках стиралась, и фамилия производилась сразу от двух или трех братьев. В честь предков-эпонимов и других предков фамильных групп произносились обрядовые здравицы, так называемые *хьуэхъу*. По окончании уразы или на курмане собирались старики-однофамильцы, и старший от имени всех присутствовавших произносил: «Все мы просим тебя, аллах, простить грехи (такого-то), а также (таких-то)». В пятницу вечером, начиная семейную трапезу, глава дома произносил *хьуэхъу* в честь родоначальников, прося аллаха предоставить им хорошее место в раю. Именно так, по рассказу 95-летнего А. Бетрова, вспоминали в его семье Бетроза и других памятных предков фамилии.

Фамилии — *лэпкэ* имели свои участки на сельских кладбищах. В некоторых кабардинских селениях такие участки сохраняются поныне: в Ст. Урухе, например, нам показывали фамильные участки Мирзоевых, Блиневых, Битоковых и другие. Другой отличительной чертой были «фамильные дни». В прошлом у всех кабардинцев вторник и пятница считались особенными, необычными днями, но в разных фамилиях значение их было неодинаково. Так, для Гауновых (Каменноостское) вторник считался неудачным днем, пятница — удачным; для Бетровых (Ст. Урух) вторник был удачен, пятница — неудачна; для Битугановых (Каменноостское) и вторник и пятница — считались одинаково неудачными днями.

Таковы основные моменты, объединявшие членов *лэпкэ* — кабардинской «фами-

⁴ Ср. Грабовский, Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе. Сборник сведений о кавказских горах, вып. 4, 1870, стр. 31.

⁵ Центральный государственный архив Кабардинской АССР, ф. 24, д. 204, л. 1. «О выкупе из плена».

⁶ С. Броневский, Указ. раб., стр. 119.

лии». В некоторых, сравнительно редких случаях сообщения информаторов позволяют установить более широкую группу отцовских родственников, которую мы вслед за М. О. Косвенем можем назвать фамилией второго порядка⁷. Так, в сел. Каменномостское фамилии Макоевых, Крымкуковых, Куважуковых и Тхашоковых составляют *лыбын* (потомство одного мужчины) и «могут называться Тхашоковыми, так как происходят от Тхашоки и его трех сыновей: Макоя, Крымку и Куважуки». Аналогичным образом образуют, по словам 94-летнего Х. Мирзоева, один *лыбын* фамилии Еловых (Ст. Лескен) и Мирзоевых (Урух), но «когда и как они разделились,— никто не помнит». Для кабардинской фамилии второго порядка характерно отсутствие в ней какой бы то ни было материальной взаимопомощи, но сохранение строгой экзогамии и обязанности кровомщения. Повторяем, однако, что у кабардинцев (по крайней мере во второй половине XIX в.) фамилии второго порядка не были сколько-нибудь распространенным явлением.

Рассмотренная нами кабардинская фамилия — *лэпкэ* представляет собой пережиточную форму патриархально-родовой организации, воплощавшую реликтовое единство распавшегося отцовского рода. Но этим значение *лэпкэ* отнюдь не исчерпывается, ибо пережиточные внутрифамильные традиции широко использовались дворянской верхушкой кабардинского общества в целях увеличения феодальных поборов и повинностей, усиления феодального гнета. Ряд архивных данных свидетельствует о том, что по требованию князей и дворян крестьяне должны были нести в отношении их те же самые обязанности, которые они по адату выполняли в отношении своего фамильного коллектива или своего *нахыжь*. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить внутрифамильные традиции кабардинцев (столбец слева) с записанными в середине XIX в. «обрядами кабардинского народа» (столбец справа).

1. При получении композиции за убийство одного из членов *лэпкэ* часть денег делилась между всеми родственниками.

«Когда какого из крестьян Г. Г. другие убьют по мщению или другому чему, по Азиатскому обычаю платить за убитого двух человек, по получении кои один берется теми, чей убитый, другой — Господину»⁸.

2. Родственники-однофамильцы помогали друг другу при оказании гостеприимства надолго остановившемуся человеку.

«Если прибудет к Г. Г. в дом из женского полу гостя, бывшую при ней прислугу и воллов прокармливают крестьяне»⁹ (надо полагать, что прокорм прислуги и коней гостя-мужчины даже не требовалось оговаривать).

3. Когда в одном из семейств *лэпкэ* резали скот, *нахыжь* подносили вареную лопатку, баранью голову, кусок говядины.

«Кто зарежет из крестьян рогатую скотину собственную, а не подаренную, тот обязан сварить переднюю лопатку и принести Господину»¹⁰.

4. Родственники-однофамильцы помогали друг другу при постройке нового дома.

«Если Господин пожелает строить вновь дом, крестьяне обязаны его поставить, а старое, и вообще, что будет годиться от старого дома, остается в пользу крестьян»¹¹.

5. В случае нужды можно было, не спрашивая, взять из табуна лошадь родственника-однофамильца.

«Весьма часто поступают жалобы, что князья Кабардинские по древневодившемуся в крае обычаю берут из чужих табунов лошадей, принадлежащих их знакомым, и ездят на них как на своих собственных без позволения хозяев... Строжайше воспрещая всем жителям округа держаться этого устаревшего и вредного обычая, как не сообразного с современным взглядом на право собственности»¹².

Совершенно очевидно, таким образом, что в феодальной Кабарде фамилия — *лэпкэ* являлась не только пережиточной формой патриархально-родовой организации, но и удобной оболочкой, служившей привилегированным сословиям для прикрытия крепостнической эксплуатации феодально-зависимого крестьянства. Вместе с тем феодальная верхушка использовала *лэпкэ* и в качестве взаимовыгодного коллектива тесно связанных между собой крестьян. За убийство дворянина простым

⁷ М. О. Косвен, Очерки по этнографии Кавказа, «Советская этнография», 1946, 2, стр. 124.

⁸ Центральный Гос. архив Кабардинской АССР, ф. 23, д. 35, л. 18, «Выписка из обрядов кабардинского народа», ст. 15.

⁹ Там же, ст. 14.

¹⁰ Там же, ст. 19; ср. Ф. И. Леонтович, Указ. раб., стр. 238.

¹¹ Ф. И. Леонтович, Указ. раб., стр. 238.

¹² Центральный гос. архив Кабардинской АССР, ф. 23, д. 23, л. 277, «Приказ по Кабардинскому округу № 1102, 31 июля 1858 г.».

крестьянином родственникам последнего грозила не только кровная месть, но и поголовное изгнание из селения, сопровождаемое разграблением всего имущества. По рассказу 79-летнего жителя сел. Ст. Урух Т. Ходзокова, предок его Шабаттирей в середине прошлого века убил владельца сел. Тлановского дворянина Етлухова. Имущество Ходзоковых было разграблено, сами они выгнаны из Тлановского.

Из сообщений стариков-информаторов видно, что с конца XIX в., после проведения в Кабарде крестьянской реформы, общественно-экономическое значение *лэпкэ* приобрело новые, специфические черты. Классовая дифференциация кабардинской крестьянской общины обусловила растущее расслоение в среде родственников-однофамильцев, обособление внутри *лэпкэ* эксплуататорской кулацкой верхушки. В этих новых условиях взаимопомощь родственников-однофамильцев стала все чаще прикрывать эксплуатацию бедных родственников богатыми, бедняков кулаками. Так, по словам 87-летнего Х. Битуганова (Каменномостское), родственник его Т. Битуганов в зимнее время нередко «помогал» своим бедным *унакьуэц* мукой и другими продуктами, за что те систематически «помогали» ему при пахоте, уборке урожая, доставке леса и т. п. Аналогичные факты сообщили нам 78-летний Т. Макоев (Ст. Лескен), 82-летний Х. Шогенов (Урух), 86-летний А. Шабитов (Ст. Урух). Из тех же рассказов явствует, что в описываемый период стало заметно ослабевать и традиционное влияние *нахыжэ*: теперь не старейший, а самый богатый из членов *лэпкэ* приобрел наибольшее влияние на ход фамильных дел.

Постепенно видоизменяясь и разлагаясь в условиях уничтожения «старинной патриархальной замкнутости»¹³ Кавказа, фамилия — *лэпкэ* еще в начале XX в. продолжала оставаться живым и весьма заметным фактом в быту кабардинского крестьянства. Действительное отмирание этой феодализованной пережиточно-родовой формы началось лишь после победы Великой Октябрьской социалистической революции, коренным образом преобразовавшей экономическую, общественную и культурную жизнь трудящихся кабардинцев. Первые серьезные удары реликтовому единству всех родственников-однофамильцев были нанесены в результате исчезновения в годы советской власти обычая кровной мести и отмирания религиозной идеологии, связывавших до этого времени членов одного *лэпкэ*. Решающую роль сыграла сплошная коллективизация Кабарды, которая на место весьма условной фамильно-родственной взаимопомощи принесла настоящую социалистическую взаимопомощь всех членов одного колхоза, одной бригады, одного звена. Эта же причина обусловила и полное падение формального авторитета самого старшего, поставив на его место авторитет самого лучшего, прославленного трудовыми подвигами на полях родного колхоза.

В настоящее время среди кабардинских колхозников *лэпкэ* совершенно перестал существовать как реальный бытовой факт, но еще сохраняется в сознании в качестве экзогамного круга людей, внутри которого браки считаются невозможными. Строгая фамильная экзогамия неукоснительно соблюдается и в тех весьма многочисленных случаях, когда степень родства между однофамильцами не поддается никакому определению. В условиях сильно разросшихся и утративших действительное родство кабардинских фамилий эта пережиточно-родовая традиция не только не имеет смысла, но и создает чрезвычайно стеснительные брачные ограничения; нет сомнения поэтому, что в недалеком будущем она отомрет, точно так же как отмерли уже в социалистической Кабарде многие другие ненужные и вредные пережитки.

¹³ Ленин, Соч., т. 3, стр. 521.